

АКТУАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК

УДК 159.922.7+316.6

Перевозкина Юлия Михайловна

*кандидат психологических наук, заведующий кафедрой практической
и специальной психологии факультета психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия, per@bk.ru*

Ветерок Екатерина Владимировна

*кандидат психологических наук, доцент кафедры практической и специальной
психологии факультета психологии, Новосибирский государственный
педагогический университет, Новосибирск, Россия,
severus.snegg.1997@gmail.com*

КОНФИГУРАЦИЯ РОЛЕВЫХ МОДЕЛЕЙ И ЭКСПЕКТАЦИЙ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. В статье приводится теоретический обзор современных исследований ролевых моделей. Представлены научные дефиниции ролевых моделей, наиболее распространенные в зарубежной и отечественной литературе. Описаны взаимосвязи ролевых моделей с ожиданиями на основе анализа научной литературы. Проанализирована специфика ролевых моделей в дошкольном возрасте с учетом зарубежного и отечественного опыта изучения этой проблемы. На основе эмпирического исследования обнаружены особенности соотношения ролевых моделей с ожиданиями и потребностью в зависимости от пола. Выявлено, что старшие дошкольники успешно идентифицируют себя с ролями, отражающими их половозрастные признаки. Продемонстрирована одна из системогенетических закономерностей ролевой социализации личности, заключающаяся в поэтапном формировании ожиданий, ролей, мотивов, связанных с определенной ситуацией. Представлены диахронические отношения между тем, как дошкольник интерпретирует роль с общественными ожиданиями относительно этой роли.

Ключевые слова: роль, ролевая модель, ожидание, дошкольный возраст.

Perevozkina Yuliya Mihaylovna

*Candidate of Psychology, Head of the Department of Practical and Special Psychology,
Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,
per@bk.ru*

Veterok Ekaterina Vladimirovna

*Candidate of Psychology, Lecturer for the Department of Practical and Special
Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia, severus.snegg.1997@gmail.com*

CONFIGURATION OF ROLE MODELS AND EXPERIMENTS IN PRESCHOOL AGE

Abstract. The article provides a theoretical overview of modern research on role models. Scientific definitions of role models, the most common in foreign and domestic literature,

are presented. The interrelationships of role models with expectations are described based on the analysis of scientific literature. The specificity of role models in preschool age is analyzed, taking into account foreign and domestic experience of studying this problem. On the basis of an empirical study, the features of the correlation of role models with expectations and color depending on gender were found. It was found that older preschoolers successfully identify themselves with roles that reflect their gender and age characteristics. One of the systemogenetic regularities of the role socialization of a person described earlier is demonstrated, which consists in the gradual formation of expectations, roles, and motives associated with a certain situation. The article presents a diachronistic relationship between how a preschooler interprets a role and public expectations about this role.

Keywords: role, role model, exposure, preschool age.

В современном социуме актуализируется проблема формирования активной личности, обладающей репертуаром адекватных ролевых моделей и экспектаций. Дошкольный возраст рассматривается как сензитивный для развития социально обусловленных способов поведения. Важную роль в этом процессе играют дошкольные образовательные учреждения, а также условия воспитания в семье. В связи с этим в настоящее время в сфере дошкольного образования происходит поиск адекватных психолого-педагогических средств, направленных на развитие социально приемлемых ролевых моделей детей как основы их адаптации и социализации. Несмотря на значительный опыт, накопленный в области ролевого поведения, в зарубежных и отечественных научных источниках не раскрыта проблема ролевых моделей и экспектаций в дошкольном возрасте, что обуславливает актуальность этого исследования, посвященного выявлению конфигурации ролевых моделей и экспектаций детей этой возрастной категории.

В зарубежной психологии ролевое поведение рассматривается как специфическое взаимодействие культуры, социума, личности и биологической системы [35]. При этом, по мнению Т. Парсонса [17], при помощи культуры происходит регуляция социальных образцов, посредством социума – регуляция личностных и поведенческих характеристик индивида. В свою очередь личность контролирует биологические процессы, что позволяет поддерживать энергетическое равновесие между этими структурами. Таким образом, индивид, в условиях социального взаимодействия, находится под влиянием как биологической среды, так и социокультурных норм, что детерминирует конструирование соответствующих общественным нормам ролевых моделей. Эту модель Т. Парсонс описывал как устойчивый культурный образец, обуславливающий специфику социального взаимодействия.

Дж. Мид [15] отмечал, что ролевая модель представлена ценностями, правилами, позициями и ожиданиями, распространенными в современном социуме. По мнению Р. Тернера, ролевая модель реализуется посредством поведенческих стереотипов, которые актуализируются в специфических условиях внешней среды. Р. Линтон [32] утверждал, что ролевая модель является средством проявления комплекса возможностей и ограничений личности. Я. Морено [16], Р. Мертон [33] считали, что ролевая модель взаимосвязана с различными социальными ожиданиями.

В отечественной психологии ролевая модель также рассматривается во взаимосвязи с социальными ожиданиями, которые реализуются как в сознании индивида, так и в его поведении [5; 19]. Л. С. Выготский [6] утверждал, что в процессе онтогенеза дети дифференцируют социальную реальность, творчески вычлняя в ней закономерности ролевого взаимодействия и включая их в собственные ролевые мо-

дели. Б. Д. Парыгин [18] отмечал, что ролевая модель в детском возрасте основывается на социальном опыте и закрепляется в социальном пространстве деятельности индивида, детерминированной социокультурными ожиданиями. С позиции автора, в процессе конструирования ролевой структуры возникает противопоставление ролевых моделей и потребностей субъекта, что приводит к внутренней рассогласованности, которая может быть преодолена посредством интеграции осознанных потребностей и ролевых моделей.

В ряде отечественных исследований показано, что ролевая модель представляет собой идеальный образец поведения, включающий в себя установки на определенные ситуации и связанные с ними стратегии поведения личности [1; 4; 11]. Как отмечает Л. В. Зиновьева [9], специфика ролевых моделей представлена нарративами, особенностями психического опыта социально-ролевого взаимодействия и ожиданиями, детерминированными социокультурными факторами. По мнению автора, ожидания являются результатом ролевого взаимодействия, обусловленного функционированием социальной среды в целом. Ожидания оказывают большое влияние на ролевое поведение участников социального взаимодействия [7; 24].

В исследовании М. М. Кашапова с соавторами [13] установлено, что ролевые модели формируются на протяжении онтогенеза в процессе освоения социальной среды как внешнего пространства деятельности и взаимодействия. Ведущую роль в становлении ролевого поведения авторы отводят дошкольному периоду. По мнению Д. И. Фельдштейна [25], дошкольный возраст представляет собой возрастной период, на протяжении которого дети, с одной стороны, переживают себя как субъектов социальных отношений, включаясь в специфику правил социального взаимодействия, с другой стороны, осознают внутренний психический опыт, проявляясь в социальной реальности как субъекты деятельности, обладающие набором ролевых моделей и ожиданий.

В современных исследованиях в основном отражен научный опыт изучения гендерных моделей поведения в дошкольном возрасте. В частности, исследование П. Бричено, М. Торнтон [29] было направлено на изучение восприятия дошкольниками своих педагогов, родственников и сверстников как ролевых моделей. Авторы уточняли у детей, кто является их ролевой моделью и что именно они расценивают как важные атрибуты ролевой модели. Была использована анкета, включающая как количественные, так и качественные аспекты. Краткое объяснение вопросника было дано вместе с определением ролевой модели как «человека, которого вы уважаете и на которого хотите быть похожими». Структурированные ответы были проанализированы с использованием программного обеспечения «Статистический пакет для социальных наук» (SPSS), а исследовательский анализ факторов был использован для определения групп элементов, относящихся к разным конструкциям о ролевых моделях. Свободные ответы были проанализированы с помощью программного пакета QSR N6. Все ответы были закодированы в соответствии с демографической информацией (пол, год и группа). Исследование показало, что сверстники и родственники могут быть гораздо важнее для формирования ролевых моделей у мальчиков, чем их педагоги. Только 2,4 % всех детей выбирают педагога в качестве ролевой модели. Большинство детей выбирали в качестве ролевых моделей любящих, заботливых друзей и родственников из их непосредственной социальной среды. Статистически значимых различий не было обнаружено между ролевыми моделями детей в социально благополучных и неблагополучных районах.

В работе С. Витт [36] обнаружено, что ролевые модели в дошкольном возрасте формируются под воздействием родителей, школы, сверстников и средств массовой информации. Отношения со сверстниками играют важную роль в развитии самооценки ребенка и оказывают влияние на то, как дети видят роль мужчин и женщин в современном обществе. Сохранение гендерных предрасположений и стереотипов часто начинается в семье, а затем усиливается группой сверстников. С. Витт, изучая влияние сверстников на социализацию гендерных ролей детей, установила, что приверженность традиционным гендерным ролям настоятельно поощряется группой сверстников и поддерживается родителями, школами и средствами массовой информации. А. Хенсхау, Дж. Келли, К. Граттон [31] провели исследование гендерных стереотипов дошкольников и факторов, которые оказывают влияние на формирование этих стереотипов. Авторы представили детям специально разработанные задания, три из которых касались восприятия детьми гендерных предпочтений игрушек, а также видов деятельности и занятий, и одна задача касалась концепции цвета в отношении половой идентификации. Основное внимание в исследовании уделялось межполовому поведению и тому, видели ли дети роль женщины более гибкой, чем роль мужчины. Исследователи обнаружили, что дети четко различают игрушки, занятия и цвета, которые они считают подходящими для мужчин и женщин. Также было выявлено, что дети рассматривали мужские гендерные роли и действия как более жестко запрещенные, чем роли женщин.

В исследовании Дж. Ендендик с соавторами [30] изучалось, могут ли явные и неявные гендерные стереотипы матерей, а также нейронные ответы на гендерные стимулы предсказать наблюдаемое гендерное общение со своими детьми. Авторы рассматривают гендерные стереотипы как широко распространенное мнение о характеристиках, поведении и роли мужчин и женщин. Теория запланированного поведения предсказывает, что гендерные стереотипы неосознанно влияют на поведение по отношению к мужчинам и женщинам. Люди могут сохранять гендерные стереотипы как явно, так и неявно. Явные стереотипы – это явно выраженные идеи, которые находятся под высоким уровнем сознательного контроля. С другой стороны, неявные стереотипы предположительно относительно и недоступны для осознания. Результаты исследования не показали связи между неявными или явными гендерными стереотипами матерей с гендерным общением. Эти результаты указывают на то, что нейробиологические меры были лучше способны обнаружить основные механизмы бессознательного процесса, такие как гендерное общение, чем неявные и явные гендерные стереотипы. Это обеспечивает важный вклад в исследования в области воспитания детей, поскольку указывает на то, что нейробиологический подход является перспективным для раскрытия бессознательных процессов, лежащих в основе того, как родители передают стереотипы детям.

Полученные результаты могут быть интерпретированы в свете модели итеративной переработки, в которой гендерный стимул вызывает оценочные процессы, опираясь на ранее существовавшие гендерные установки, что приводит к фактической оценке стимула и гендерному поведению. Является ли этот процесс сознательным или бессознательным, зависит от количества итераций первых трех шагов модели. «Неявные» оценки имеют меньше итераций и задействуют меньше процессов, чем «явные» оценки. Кроме того, оцениваемое поведение, связанное с полом, носило неявный характер, поскольку высказывание оценочных комментариев относительно пола по отношению к детям часто происходит неосознанно. Это исследование продемонстрировало, что у матерей была выявлена улучшенная ранняя нейронная

обработка гендерных стимулов, к которым они относились положительно. Этот уклон в обработке нервной системы был связан с тем, как позитивные матери говорили со своими детьми о стереотипно-конгруэнтном и неконгруэнтном поведении мальчиков и девочек, а также о мужских и женских действиях. Относительная автоматическая нейронная обработка вербальными стимулами матерей была более тесно связана с гендерным общением матерей со своими детьми, чем с неявными или явными гендерными стереотипами матерей. Эти результаты предполагают, что гендерное общение действительно является бессознательным процессом, который можно предсказать по распределению внимания человека к гендерным стимулам. Поэтому особенно важно повышать осведомленность матерей об их собственных гендерных предубеждениях и последствиях этих процессов для их родительского поведения.

Таким образом, на основании теоретического обзора зарубежной и отечественной научной литературы выявлены специфика и противоречия в понимании ролевой модели, а также обнаружена фрагментарность в описании взаимосвязей ролевых моделей с ожиданиями в дошкольном возрасте, что обуславливает постановку цели исследования, заключающейся в изучении конфигурации ролевых моделей и ожиданий в дошкольном возрасте.

Методы исследования

Для изучения особенностей соотношения ролевых моделей с ожиданиями и цветом в зависимости от пола было организовано исследование, предполагающее диагностику ролевого профиля у дошкольников по методике «Калейдоскоп» (Ю. М. Перевозкина, Л. В. Панышина, О. О. Андронникова, Н. В. Дмитриева [23]). Методика представляет собой ролевой набор, состоящий из десяти фигур, цветового поля с четырьмя базовыми цветами и бланка для фиксации результатов. Респондентам предъявлялся набор из 10 фигур, соответствующих 10 базовым ролевым моделям, и предлагалось выбрать роль, с которой они могут идентифицировать себя на данный момент, и соотнести ее с одним из цветов на поле из четырех цветов, соответствующих четырем базовым потребностям. Затем дошкольнику нужно было обосновать свой выбор, ответив на вопрос «Почему он считает себя похожим на эту фигуру?». Так определялась expectation выбранной актуальной роли. После чего ребенку снова было необходимо сделать аналогичный идентификационный выбор из оставшихся фигур, выставив выбранную фигуру на цветное поле. Это позволило диагностировать потенциальную роль и связанную с ней потребность, а затем процедура повторялась для диагностики резервной роли и потребности. Далее ребенка просили выбрать из оставшихся фигур самую неприятную, на которую он похож меньше всего, и выставить ее на оставшийся цветовой квадрат, что дало возможность выявить отвергаемую ролевую модель и связанную с ней потребность. Данные о выбранной ролевой модели, цвете, с которым она была соотнесена, и характеристикой роли (expectation), фиксировались на специальном бланке.

Для определения достоверности результатов использовался критерий χ^2 -Пирсона, применяющийся для изучения сопряженности между номинативными данными. Все расчеты производились в программе «STATISTICA 10.0».

Результаты и их обсуждение

Полученные результаты демонстрируют, что, в зависимости от пола, выбор ролевой модели на всех четырех позициях достоверно различается с вероятностью ошибки менее 0,01 % (табл. 1).

Оценка сопряженности пола и выбора ролевой модели у дошкольников

Сопрягаемые переменные	χ^2	ст. св	<i>p</i>
Пол (2) x роль актуальная	99,31261	сс=5	0,0000
Пол x роль резервная	34,74126	сс=5	0,0000
Пол x роль потенциальная	63,94406	сс=7	0,0000
Пол x роль отвергаемая	31,72028	сс=8	0,0001
Пол x цвет актуальная	18,42797	сс=3	0,0003
Пол x цвет потенциальная	9,61096	сс=3	0,9945
Пол x цвет резервная	31,72028	сс=3	0,0000
Пол x цвет отвергаемая	5,193207	сс=3	0,1581
Роль актуальная x экспектации	29,6667	сс=5	0,0000
Роль актуальная x цвет	37,40260	сс=5	0,0011

Кроме того, были обнаружены статистически значимые различия между мальчиками и девочками по выбору цвета на актуальной и резервной позициях. Также была выявлена сопряженность между ролевой моделью в актуальной позиции, экспектациями и цветом.

Анализ полученных результатов показывает, что на первую позицию дошкольники выбирают ролевые модели, соответствующие детскому возрасту. Причем они четко дифференцированы по полу. Большинство дошкольников мужского пола идентифицировали себя с ролевой моделью мальчика, которую они чаще всего сопоставляли с красным цветом (табл. 2 и 3). В то время как дошкольники женского пола уверенно отождествляют себя с ролевой моделью девочки, соотносимой с желтым цветом ($p < 0,001$).

Таблица 2

Сопряженность ролевых моделей и пола у дошкольников

Позиция	Мальчики		Девочки	
	Ролевая модель	Цвет	Ролевая модель	Цвет
Актуальная	Мальчик/45,8 %	Красный/33,3 %	Девочка/37,5 %	Желтый/20,8 %
Потенциальная	Герой/25,8 %	Желтый/28,8 %	Дева /28,6 %	Красный/21,5 %
Резервная	Отец/25,5 %	Синий/33,3 %	Мать/21,3 %	Синий/25,5 %
Отвергаемая	Старик/22,6 %	Зеленый/25,0 %	Старуха/21/8 %	Зеленый/21,8 %

Согласно Дж. Бейби [28], архетипические сценарии мальчика и девочки тесно связаны с импульсивностью личности, которая испытывает трудности в социализации или только включается в социальное пространство. С точки зрения одного из современных авторов, для ролевых моделей, относящихся к периоду детства, характерны эмоциональность, любознательность, упрямство. Среди экспектаций, связанных с ролевыми моделями мальчика и девочки, выделенных в рамках настоящего исследования, можно обозначить такие, как похожая одежда или внешность. Иначе говоря, дошкольники, отвечая на вопрос, почему ты похож на выбранную фигуру, чаще всего отвечали, что у меня такие же волосы, лицо, глаза, рубашка, платье и т. д. Это приводит к одному из важных следствий, сформулированному в одном из научных исследований, что ребенок в этом возрасте еще не способен к глубокому пониманию роли [12]. Он может идентифицироваться с ролью, опираясь только на внешние признаки, такие как одежда или внешность. Именно в этом возрасте

ребенок с помощью механизма имитации ролевого поведения взрослого имеет возможность познакомиться с ролью. Конечно, этот механизм, являясь фрагментарным освоением ролевых и культурно-символических элементов, не позволяет в полной мере интериоризировать роль и осознать ее общественные ожидания [17; 21]. Это происходит с течением развития такого новообразования, как рефлексия в более позднем, подростковом возрасте [20]. Но этот этап также важен в присвоении роли, т. к. в случае блокировки механизма имитации происходит редукция ролевого диапазона, поведение личности отличается ролевым однообразием, ролевыми конфликтами по типу экспектационного и аутентичности роли [22]. В частности, экспектационный конфликт характеризуется несовпадением роли и общественных ожиданий, а конфликт аутентичности роли отличается рассогласованием выполняемой роли и текущей ситуации. Кроме того, конфликт часто связан с нарушением равновесия между субъектом и социумом, как считают ряд исследователей [8; 10; 26; 34], и актуализирует диахронические тенденции.

Таблица 3

Сопряженность ролевых моделей и экспектаций у дошкольников

Ролевая модель	Цвет	Эспектация 1	Эспектация 2	Эспектация 3
Девочка	желтый	одежда	внешность	модная
Мальчик	красный	одежда	веселый	крутой
Дева	зеленый	скромная		
Трикстер	зеленый	веселый		
Мать	синий	добрая		
Отец	желтый	сильный		

Важно отметить, что взрослые роли редко выбираются дошкольниками как актуальная для них ролевая модель, однако их экспектации имеют уже внутренний характер. Так, дева имеет такие ожидания, как скромная, мать – добрая, трикстер – веселый, а отец – сильный. Выбранные детьми характеристики совпадают с результатами научного исследования и отражают понимание детьми ролевых ожиданий моделей, относящихся к следующим возрастным этапам. Возможно, эти роли, являясь привлекательными для ребенка, побуждают его к некоторому их анализу. Действительно, по данным Н. Л. Белопольской [3], такая особенность связана с желанием ребенка к развитию и росту, готовностью к принятию идущей следом по возрасту социальной роли. Стоит отметить, что на потенциальной позиции, вскрывающей латентную готовность к реализации роли, в случае, если актуальная роль по каким-то причинам не позволяет удовлетворить потребность, находятся роли периода юности. Это роли героя у мальчиков и девы у девочек. Интересным фактом, доказанным в ряде исследований [2; 27], явился выбор дошкольниками красного и желтого цвета на первые позиции (актуальная и потенциальная). Именно эти цвета связаны с экспрессивностью, любознательностью, потребностью в активности и освобождении от ограничений. На резервной позиции находятся роли, относящиеся к периоду взрослости – это роли отца и матери, сопоставляемые с синим цветом, отражающим потребность в эмоциональной близости, чувствительности, в сопринадлежности [14; 22].

Среди отвергаемых ролевых моделей можно обозначить роли старика для дошкольников мужского пола (22,6 % указали, что им не нравится эта фигура) и роль старухи для дошкольников женского пола (21,8 % указали, что им не нравится

эта фигура). Полученные результаты согласуются с данными, представленными Н. Л. Белопольской [3], которая продемонстрировала, что непривлекательными образами для детей дошкольного и младшего школьного возраста выступают образы старости. Кроме того, с этими двумя ролевыми моделями дошкольники обоих полов ассоциируют зеленый цвет, связанный с потребностью в значимости, самоутверждении, упорстве [14; 22]. В целом, по данным ряда авторов [2; 21; 27], дети отдают предпочтение красным и желтым цветам и отвергают синий и зеленый. Это связано с физиологическими характеристиками цветов: желтый и красный цвета отражают активность, которая имманентно свойственна ребенку, тогда как спокойные и умиротворяющие характеристики зеленого и синего не принимаются ребенком.

Выводы

Полученные в настоящем исследовании результаты позволяют сформулировать ряд важных выводов.

Во-первых, старшие дошкольники успешно идентифицируют себя с ролями, отражающими их половозрастные признаки. Вместе с тем, освоение роли находится еще на этапе внешней идентичности, т. к. ребенок в этом возрасте не способен к глубокому пониманию роли. Он может ассоциировать себя с ролью, опираясь только на внешние признаки, такие как одежда или внешность. Именно в этом возрасте ребенок с помощью механизма имитации ролевого поведения взрослого имеет возможность познакомиться с ролью. Этот механизм, являясь фрагментарным освоением ролевых и культурно-символических элементов, не позволяет в полной мере интериоризировать роль и осознать ее общественные ожидания. Но этот этап также важен в присвоении роли, т. к. в случае блокировки механизма имитации происходит редукция ролевого диапазона, поведение личности отличается ролевым однообразием, ролевыми конфликтами по типу экспектационного и аутентичности роли.

Во-вторых, продемонстрирована одна из описанных ранее системогенетических закономерностей ролевой социализации личности, заключающаяся в поэтапном формировании экспектаций, ролей, мотивов, связанных с определенной ситуацией. В этом случае наглядно представлен дискретный и фрагментарный механизм имитации ролевых моделей дошкольниками, без учета общественных ожиданий роли. Это со всей очевидностью отражает парциальность процесса социализации в процессе формирования личности.

В-третьих, полученные результаты свидетельствуют о таком важном свойстве ролевой социализации, как транстемпоральность, заключающейся в переходах от диахронического диссонанса к синхроническому консонансу, и наоборот. Представлены диахронические отношения между тем, как дошкольник интерпретирует роль и общественными ожиданиями относительно этой роли. В этом и есть проявление социальной активности ребенка как члена общества, т. к. его нахождение в рас-согласовании с социумом, сопровождаемое напряжением, побуждает его к социальной активности в виде проигрывания роли (ее имитации) и фиксации важных общественных характеристик, связанных с этой ролью.

Список литературы

1. Андронникова О. О., Перевозкина Ю. М., Ветерок Е. В. Семейные отношения как детерминанты аддиктивного и суицидального поведения личности // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2016. Т. 16. № 4. С. 12–21.
2. Базыма Б. А. Психология цвета: Теория и практика. СПб.: Речь, 2007. 205 с.

3. *Белопольская Н. Л.* Половозрастная идентификация. Методика исследования детского самосознания. М.: Когито-Центр, 1998. 24 с.
4. *Ветерок Е. В.* Теоретические аспекты изучения самоотношения в психологической науке // Социокультурные проблемы современного человека: сборник трудов конференции. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. С. 174–179.
5. *Ветерок Е. В., Зиновьева Л. В.* Теоретические аспекты изучения феномена осознанности в современной науке // Смалта. 2019. № 1. С. 15–22.
6. *Выготский Л. С.* Психология развития ребенка. М.: Смысл: Эксмо, 2004. 512 с.
7. *Грибов Д. Е.* Социальные ожидания как регулятор социального поведения личности: теоретические проблемы исследования // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 182–189.
8. *Григорьева М. В., Шамионов Р. М.* Временные соотношения субъектных и личностных проявлений в адаптационном процессе // Известия ВГПУ. 2009. № 9. С. 127–130.
9. *Зиновьева Л. В.* Конфигурации ролевых моделей у девушек поколения Z в контексте экспектаций // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2020. Т. 2. № 2. С. 75–86.
10. *Карнов А. В.* Метасистемная организация индивидуальных качеств личности: монография. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2018. 744 с.
11. *Карнов А. В., Перевозкина Ю. М.* Структурно-темпоральная системность ролевой социализации // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 5–17. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.31.3.01.
12. *Карнов А. В., Перевозкина Ю. М., Андронникова О. О.* Темпоральная системность ролевой социализации личности // Перспективы науки и образования. 2019. № 5 (41). С. 359–372. DOI: 10.32744/pse.2019.5.25 .
13. *Каишапов М. М., Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б.* [и др.] Специфика развития ролевых ожиданий в процессе формирования личности // Сибирский педагогический журнал. 2020. № 2. С. 127–140. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/1813-4718.2002.15>.
14. *Люшер М.* Цветовой тест Люшера. М.; СПб.: АСТ: Сова, 2006. 190 с.
15. *Мид Дж.* Сознание, самость и общество. М.: Директ-Медиа, 2007. 171 с.
16. *Морено Я.* Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический проект, 2004. 320 с.
17. *Парсонс Т.* О структуре социальных действий. М.: Академический проект, 2002. 880 с.
18. *Парыгин Б. Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. 592 с.
19. *Пашкова Я. В.* К вопросу о социально ориентированном поведении детей старшего дошкольного возраста // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 43.
20. *Перевозкин М. С., Голубь Т. Б.* Особенности полоролевой идентичности подростков // Зимний школьный марафон: материалы VII Международной научно-практической конференции школьников (Чебоксары, 28 февраля 2020 г.). Чебоксары: Интерактив плюс, 2020. С. 66–71
21. *Перевозкина Ю. М.* Субстанционально-темпоральная системность ролевой социализации личности. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 307 с.
22. *Перевозкина Ю. М., Зиновьева Л. В.* Структура ролевой социализации // Социокультурные проблемы современного человека: сборник трудов конференции. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. С. 206–214.
23. *Перевозкина Ю. М., Паньшина Л. В., Андронникова О. О., Дмитриева Н. В.* Способ оценки психосоциального профиля личности, № 2625284, дата подачи заявки 18.02.2016, дата публикации 12.07.2017, зарегистрирован в Государственном реестре изобретений Российской Федерации 12 июля 2017 (RU 2 625 284 C1, МПК А 61 М 21/00).

24. Попович И. С. Теоретико-методологический анализ социальных ожиданий личности как составляющей коммуникативно-ролевого взаимодействия // Социальные явления. 2016. № 4. С. 47–54.
25. Фельдштейн Д. И. Психология развития личности в онтогенезе. М.: Педагогика, 1989. 208 с.
26. Шамонов Р. М. Социальная активность молодежи: системно-диахронический подход // Российский психологический журнал. 2019. Т. 16, № 1. С. 166–188.
27. Яньшин П. В. Психосемантика цвета. СПб.: Речь, 2006. 368 с.
28. Beebe J. Type and Archetype. Part One: The Spine and its Shadow // Typeface. 2007. Vol. 18, iss. 2. P. 8–12.
29. Bricheno P., Thornton M. Role model, hero or champion? Children's views concerning role models // Educational Research. 2007. Vol. 49, iss. 4. P. 383–396. DOI: 10.1080/00131880701717230.
30. Endendijk J. J., Spencer H., Bos P. A., Derks B. Neural processing of gendered information is more robustly associated with mothers' gendered communication with children than mothers' implicit and explicit gender stereotypes // Social Neuroscience. 2019. Vol. 14, iss. 3. P. 300–312. DOI: 10.1080/17470919.2018.1468357.
31. Henshaw A., Kelly J., Gratton C. Skipping's for girls: children's perceptions of gender roles and gender preferences // Educational Research. 1992. Vol. 34, iss. 3. P. 229–235. DOI: 10.1080/0013188920340307.
32. Linton R. The Study of Man. New York: Appleton Century Crofts, Inc., 1936. 523 p.
33. Merton R. K. Intermarriage and the Social Structure // Psychiatry. 2016. Vol. 3, iss. 4. P. 361–374. DOI: 10.1080/00332747.1941.11022354.
34. Spurlock J. Multiple roles of women and role strains // Health Care for Women International. 1995. Vol. 16, Iss. 6. P. 501–508.
35. Turner R. H. Role-Taking, Role Standpoint, and Reference-Group Behavior // American Journal of Sociology. 1956. Vol. 61, iss. 4. P. 316–328. DOI: 10.1086/221763.
36. Witt S. D. The Influence of Peers on Children's Socialization to Gender Roles // Early Child Development and Care. 2000. Vol. 162, Iss. 1. P. 1–7. DOI: 10.1080/0300443001620101.

Дата поступления статьи 05.07.2020

